

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА

А. Г. Сарычев

Воронежский государственный университет

В докладе на VIII Съезде Российского союза ректоров его президент В. А. Садовничий определил в качестве главных задач высшей школы страны доступность и качество образования. Он подчеркнул, что в последнее время качество образования упало. Среди предметов, уровень подготовки которых в школе вызывает особую озабоченность, он назвал математику, физику, химию, биологию, русский язык [1, с. 6—7]. История России среди этих предметов названа не была. Однако это не означает, что здесь результаты достаточно благополучные.

Возможности оценить уровень знаний хотя бы части своих абитуриентов у вуза пока сохраняются. Так, в июле 2006 г. единый государственный экзамен по истории России на дневное отделение по специальностям «История», «Международные отношения», «Политология», «Регионоведение» и «Юриспруденция» сдавали абитуриенты из Белгородской, Волгоградской, Воронежской, Курской, Липецкой, Ростовской, Смоленской, Тамбовской, Тюменской областей, Карелии, Красноярского края и ряда других субъектов Российской Федерации — всего 193 человека. Среди них было 16 медалистов и приравненных к ним лиц, 25 % из которых получили (по ЕГЭ) оценку «два» и 12,5 % — оценку «три». Только три медалиста смогли набрать от 66 до 76 баллов, дающих право на оценку «пять». Однако этого было недостаточно, чтобы поступить на какую-либо специальность, где история сдается как первый экзамен.

Из 177 абитуриентов, сдававших ЕГЭ и не имевших медали, 14,7 % получили оценку «два», 53,1 % — «три» и только 9,6 % — «пять». Из 17 человек, получивших «пятерку», лишь два преодолели «порог» в 80 баллов, дававший шансы на поступление на избранную специальность. А ведь это были абитуриенты, осознанно поступавшие на бюджетные места гуманитарных факультетов.

Естественно, делать выводы на опыте всего лишь около 200 человек явно некорректно. Поэтому сравним результаты экзамена по истории с итогами ЕГЭ по русскому языку. 1053 абитуриента, поступавшие на разные факультеты ВГУ, сдавали его 20 июля 2006 г. Эти итоги поражают:

они еще хуже, чем по истории. Если оценку «два» получили 14,72 %, т.е. практически столько же, сколько и по истории, то отличных оценок уже значительно меньше — чуть больше 5 % (53 человека), удовлетворительных оценок, наоборот, значительно больше — 57,52 % (606 человек).

Еще одну возможность увидеть реальный уровень подготовки выпускников общеобразовательной школы 2006 г. по истории России дает собеседование с абитуриентами, поступавшими на указанные специальности с оплатой стоимости обучения на договорной основе. Ответы этой категории поступавших произвели крайне неоднозначное впечатление. С одной стороны, среди них выделялась значительная группа очень хорошо подготовленных детей, явно прошедших дополнительную подготовку вне школы. Они изначально осознанно сделали выбор в пользу обучения на договорной основе с тем, чтобы избежать все возможные риски.

Однако, с другой стороны, подготовка по истории России основной массы желавших поступить на указанные специальности не может быть оценена иначе как катастрофически низкая. Еще в 1990-х гг., говоря о типичных ошибках тогдашних выпускников десятилетки, мы отмечали у них отсутствие понимания логики исторического процесса, неумение выявить и проследить причинно-следственные связи. Из экзаменационных вопросов, связанных со знанием фактического материала, затруднения вызывали история отечественной культуры и сюжеты общественно-политического движения в XIX столетии.

В 2002—2004 гг. ситуация принципиально изменилась. Речь не шла уже о вопросах теоретического характера, об историческом мышлении и прочих «высоких материях» исторической науки. Зачастую абитуриенты напрочь лишены элементарного знания. Например, всю информацию о XVII в. они сводят либо к Смутному времени, либо к Петру I. У большинства из них отсутствуют знания о социально-экономическом развитии России независимо от рассматриваемой эпохи. У них сформировано искаженное представление о советском периоде отечественной истории и т.д.

Это наличие двух радикально отличающихся групп абитуриентов является очевидным свиде-

тельством уже сложившегося неравенства образовательных возможностей семей с высокими и низкими доходами, городских и сельских школ, дотационных регионов и регионов-доноров.

Никогда в предшествующие десятилетия в умах весьма значительной части выпускников не было столь причудливого смешения исторических эпох и действовавших в их границах исторических деятелей. Так, к лидерам декабризма нередко относят К. Маркса и Н. С. Хрущева, эпоха Ивана III ассоциируется с деятельностью КГБ СССР. Факты такого рода можно множить до бесконечности.

Следует заметить, что критерии рационального объема знаний абитуриентов не корректировались на всем протяжении постсоветского периода. Убедительным свидетельством этого может служить содержание программ по истории России, ежегодно издаваемых в помощь абитуриенту. Оно не претерпело принципиальных изменений после того, как были сняты или сокращены сюжеты, связанные с историей КПСС, и ликвидирована излишняя идеологизация некоторых тем. Это делает сравнение уровня знаний выпускников разных лет вполне корректным.

Как известно, 2002 год вошел в историю российской общеобразовательной школы как год внедрения в систему народного образования единого государственного экзамена. Он вводился как эксперимент лишь в некоторых вузах и только по отдельным дисциплинам. С течением времени Министерство образования и науки последовательно расширяло масштабы его применения. В 2006 г. обязательными для поступления во все вузы страны, за исключением МГУ, стали результаты ЕГЭ по истории России.

16 февраля 2005 г. в Государственной Думе РФ с участием представителей Министерства образования и науки прошли общественные слушания «Стратегия образовательной политики: есть ли альтернативы?» В них приняли участие депутаты Госдумы, ректоры государственных и негосударственных вузов, директора школ, представители педагогической науки и др. Выступавшие подвергли правительственные проекты реформ образования резкой критике, одобрили рекомендации органам государственной власти Российской Федерации, политическим партиям, общественным объединениям, а также декларацию «Образование — для всех». Но видимого воздействия на правительственную политику эта акция не оказала. Более того, в сентябре 2006 г. руководитель Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Виктор Болотов озвучил существование анонимного «радикального варианта» итоговой аттестации школьников: «Выпускные экзамены в школе отменить, аттестаты

выдавать по текущим оценкам, а ЕГЭ пусть сдают те, кто поступает в вузы» [2].

Свидетельством настороженного отношения к новациям Министерства образования и науки стал доклад В. А. Садовниченко на VIII Съезде Российского союза ректоров. В нем он подверг сомнению качество закона об автономных учреждениях и закона о ректоре и президенте вуза. Симптоматично в этом плане и заявление на Съезде ректоров В. В. Путина о том, что закон об автономных учреждениях, конечно, не является панацеей от всех бед и не является универсальным средством для решения всех проблем образования и науки в высшей школе, что он вообще не настаивает на этом законе. Правда, нечто аналогичное он заявлял на VII съезде ректоров относительно ЕГЭ. Да и закон об автономных учреждениях Государственной Думой уже принят.

По сути дела, отказываясь от принципов образовательной политики, законодательно закрепленных в 1992 г., а также сформулированных в Национальной доктрине «Образования Российской Федерации» от 4 октября 2000 г. и «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года», утвержденной 29 декабря 2001 г., Правительство РФ обнародовало идею исключения из школьного стандарта минимального содержания образования, а также планы сокращения на 25 % учебной нагрузки школьников.

Естественно, учащиеся и их родители, учителя истории и администрация школ немедленно отреагировали на новые реалии школьной жизни. Стимулов к активизации познавательной деятельности учащихся мероприятия Правительства не содержали. Материальное положение и низкий статус не интересуют педагогов в качестве результатов их труда, вынуждают к поиску дополнительных заработков, отрывая время от основной работы.

У всех участников учебного процесса на первое место вышел чисто прагматический подход: учить только тот минимум фактов, который необходим для сдачи ЕГЭ. Именно последствия такого подхода в виде стремительного снижения качества подготовки основной массы абитуриентов испытывает на себе высшая школа.

Помимо общих для всех школьных предметов причин низкого качества знаний существуют субъективные факторы, негативно влияющие на глубину и объективность постижения исторического наследия России в общеобразовательной школе. На одно из первых мест здесь надо поставить деятельность приближенных к Министерству образования и науки издательств по публикации научно-методических пособий и сборников дидактических материалов. Качество продукции таких

издательств, как «Просвещение» или «Эксмо», слишком часто оставляет желать лучшего. Общую оценку современным учебникам — эмоциональную, но справедливую — дал академик Российской академии образования, доктор педагогических наук Борис Бим-Бад: «Авторы ряда нынешних учебников вещают от имени науки, выдавая свою частную, увы, односторонне субъективную, интерпретацию ключевых событий за истину в высшей инстанции. Их повествования ошеломляют и безапелляционностью утверждений, и партийной тенденциозностью.

...Чем меньше зазубрят современные молодые люди из нынешних учебников истории, тем лучше для их умственного здоровья. А когда подрастут их будущие дети, в школу придут интересные и честные книги по истории Отечества».

Думается, нет сомнения в том, что качество учебников и учебных пособий напрямую сказывается на желании детей изучать историю, как отечественную, так и мировую. Те, кто учатся по научно недостоверным школьным учебникам, не смогут сформировать объективных знаний о прошлом нашей Родины. Их знания будут страдать неполнотой, искаженным видением отдельных событий и целых периодов, неверной оценкой исторических личностей и т.д.

На это наслышались еще одно обстоятельство, на которое крупные отечественные историки указывали и в конце 90-х гг. прошлого века, и в начале 2000-х гг. «Самое опасное в современной истории и историографии — это подмена научной истины, объективного знания личным мнением, основанным на эмоциях, настроениях, порожденным современным идеологическим и политическим режимом, постоянно демонстрирующим нам свое безразличное, а нередко и циничное отношение к науке, культуре, образованию», — справедливо предупреждала, например, старший научный сотрудник Института российской истории РАН профессор Г. Д. Алексеева [3, с. 70].

В своих предостережениях она была далеко не одинока. Тем не менее часть отечественных историков превратилась из ученых-исследователей в беззащитных апологетов современных политических веяний, по сути дела выполняя охранительные функции, а порой и вовсе руководствуясь чисто меркантильными интересами. Под рассуждениями о важности глубокого изучения прошлого, беспристрастного анализа позитивных и негативных сторон деятельности наших предков нередко видна готовность выбрасывать из отечественной истории не только отдельные эпизоды, но и более значительные фрагменты, идти на искажение фактов и процессов.

Конечно таких историков абсолютное мень-

шинство, однако именно те, кто позволяет себе вольно обращаться с историей XX в., чаще всего видны на экранах телевизоров в качестве экспертов, обозревателей и т.д. То есть именно они формируют общественное мнение о наиболее злободневных проблемах нашего прошлого. Естественно, это не добавляет уважения к отечественным ученым. А недоверие к публикациям на исторические темы (вчера говорили одно, сегодня — другое) порождает скептицизм к истории как науке со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Еще одним важным фактором, влияющим на отношение к истории Отечества и интерес к ее изучению, является деятельность российского телевидения. Здесь выделяются два аспекта: во-первых, публицистические передачи (жанр исторической документалистики), а во-вторых, творческая деятельность художественной интеллигенции.

Что касается публицистики, то сошлюсь на мнение историка, ведущего цикла исторических передач «Кто мы?» на канале «Культура» Феликса Разумовского, человека, знающего проблему изнутри, которого трудно заподозрить в стремлении к очернительству своих коллег. Размышляя о балансе правды и вымысла в этом жанре, Ф. Разумовский дал ему крайне нелестную оценку: «Сегодня история на отечественном телевидении в основном представлена в виде исторической попсы. Что это за явление? Это как бы история, выброшенная в сферу массовок культуры, в сферу шоу-бизнеса, где действуют свои законы, очень хорошо известные. Зрителю подается исторический материал переработанный, оскопленный, определенным образом трансформированный. Из этого материала изъяты нравственное начало и смысл, а подлинные исторические личности заменены манекенами» [4].

Еще в 2003 г. Г. Д. Алексеева с горечью задавала в своей монографии риторический вопрос: «Неужели нельзя пересматривать прежние взгляды, концепции, объяснения без ненависти, злобы, ерничания, издевательства (как это делает Радзинский и др.), журналистского апломба, словесных упражнений, которые нередко прикрывают историческое невежество и интеллектуальную пустоту» [3, с. 70]. Прошло три года. За это время из уст высшего политического руководства страны не раз звучали призывы к реабилитации патриотизма, к возрождению духовного и нравственного потенциала населения и т.д. Однако на телевидении ситуация несколько не изменилась. Тот же Ф. Разумовский утверждал, что примерно 90 % исторических программ на телевидении посвящено советской эпохе. Но какую историю предлагает экран! Чаще всего это попса. В тех

же редких случаях, когда по отношению к советскому прошлому допускается критика, то это примитивный антибольшевизм, составная часть ур-либеральной идеологии [4].

Между тем вольное отношение к отечественной истории на голубом экране отнюдь не столь невинно, как может показаться на первый взгляд. Значительная часть школьников и студенческой молодежи смотрит такие передачи. Телевидение пользуется у них доверием и оказывает заметное влияние на формирование их мировоззрения. Даже во время вступительных испытаний телевизионные версии различных событий в истории Отечества звучали достаточно часто. Таким образом, телевидение активно содействует распространению фальсифицированных взглядов на наше прошлое в среде школьников и студентов.

Еще больше горечи вызывает творчество определенной части художественной интеллигенции — писателей, художников, кинематографистов и т.д., если рассматривать его с точки зрения интересующей нас темы. Конечно, следует иметь в виду, что художественная интеллигенция в наши дни самым драматическим образом расколота. В ее среде идет длительное жесткое противостояние. Однако в любой области литературы и искусства продолжают работать мастера, сохраняющие богатые гуманистические традиции русской, советской культуры, поддерживающие на мировой арене ее высочайший авторитет. Однако не они, к сожалению, доминируют на экранах телевизоров и кинозалов, на сценах российских театров, на книжных выставках и т.д. Писатель Иван Сабилло, выступая в рамках дискуссии о детской литературе, проходившей на страницах «Литературной газеты», привел очень многое объясняющий эпизод. «Несколько лет назад я в составе небольшой группы писателей побывал в Таллинне, — писал он. — На встрече с учителями русского языка и литературы Валентину Распутину задали вопрос: «Как случилось, что нынче многие писатели выпускают столь безнравственные, пошлые книги?» — «Нет ничего удивительного, — сказал Распутин, — если раньше образ Смердякова создавал гений, то нынче сами смердяковы бросились в литературу». И от себя И. Сабилло добавил, что именно у смердяковых в нашей стране режим наибольшего благоприятствования [5]. К этому можно только добавить, что такая ситуация сложилась не только в литературе.

Воздействие телевидения на современное российское общество и особенно на умы молодежи представляется почти безраздельным, а потому, по отзывам многих мастеров культуры, особенно разрушительным. «Взгляните глазами иностранца

на продукцию нашего телевидения только за последние несколько месяцев, — призывал в 2004 г. кинорежиссер Владимир Меньшов. — «Красная площадь», «Штрафбат», «Московская сага», «Дети Арбата», прибавьте к этому ежедневно возникающие на экране журналистские расследования и исторические версии об убийстве Чкалова, убийстве Горького, убийстве Надежды Аллилуевой... Своей смертью у нас, похоже, умирать не принято» [6].

Завершая свои размышления о современном искусстве, В. Меньшов делает совершенно справедливый вывод: Франция позорно проиграла войну Германии, четыре года пребывали французы в состоянии коллаборационизма с фашистским режимом, но сейчас они вспоминают только о Сопротивлении, хотя и участвовало в нем ничтожное число французов. Не поддержат ни немцы, ни японцы разговора об их военных поражениях. Мы же с непонятным упорством берем старые раны, посыпая их солью и кричим, встречая похоронные процессии: «таскать вам не перетаскать!». Невозможно с таким постоянно нагнетаемым комплексом национальной вины подняться с колен [6].

В размышлениях В. Меньшова только один момент вызывает несогласие: когда он говорит о «непонятном упорстве», с каким мы берем старые раны. Давайте вспомним, с какой настойчивостью в конце 80—90-х гг. прошлого века навязывали обществу все ту же крайне пагубную идею, что мы должны воспитывать нашу молодежь через чувство стыда и покаяния за нашу историю. В свете этого и нынешнее упорство СМИ становится не столь уж непонятным. Телевидение последовательно и настойчиво формирует у молодежи скептическое отношение к нашему прошлому, особенно советскому периоду.

Вывод о целях этой деятельности каждый может сделать сам. Думается, однако, что недалек от истины поэт и критик Алексей Шорохов. Задав вопрос, для чего восстанавливают «по-красневшую и задымившуюся от вранья» Останкинскую телебашню, он сам же отвечает на него: «Чтобы вслед за этим наших детей кормили «Московской сагой» Аксенова (по разделу: «История России»), или «Диверсантом» (Сочинение ко Дню Победы), или «Штрафбатом» (Лагерная тема в лирике Галича, Высоцкого и группы «Лесоповал»)? Что не фильм, то шпаргалка для сдачи ЕГЭ! ...А мы-то тут голову ломаем — кому и зачем это нужно? Да Министерству образования поди и нужно! Чтобы вырастить наконец-то новое, абсолютно политкорректное поколение — ну, невежественное по прежним меркам, зато, что называется, стопроцентно свое. С раз

и навсегда забинтованной георгиевскими ленточками памятью» [7].

В. Меньшов, В. Распутин, Е. Ташков, А. Шорохов и многие другие деятели литературы и искусства дают столь суровые оценки состоянию отечественной культуры и образования не поношения ради, они отнюдь не прокуроры. Ими движет тревога за судьбы Отечества и забота о том, какими вырастут нынешние дети, какие книги они напишут, какие фильмы снимут, какой они будут видеть нашу Родину, ее прошлое и настоящее. И это оправдывает всю жесткость, а порой и кажущуюся чрезмерность их суждений. Их правоту убедительно подтверждает оценка ситуации, данная профессором МГУ Игорем Волгиным. «Культура по определению есть самонастраивающаяся система эстетических и нравственных регуляций (в том числе культурных табу и ограничений), но ныне торжествует антикультура, действующая по принципу «все позволено», — считает он и вполне обоснованно утверждает, что в стране «оплевывается собственная культурная традиция, происходит массированная эстетизация зла, эстетизация безобразного, понижается (до нуля) общий нравственный потенциал. Все это есть прямая угроза национальной безопасности. Страна с лишенным исторической воли и перманентно развращаемым народом уже физически не может противостоять никаким вызовам — ни внешним, ни внутренним. Такая страна обречена» [6].

Меньше всего хотелось бы, чтобы сказанное вызвало чувство безысходности. Ситуация очень сложная. Однако пусть и сдержанный оптимизм вызывает то обстоятельство, что высшее политическое руководство страны видит это. «Все выступавшие здесь, да и те, кто не выступал, — подчеркнул в заключительном слове на VIII Съезде Российского союза ректоров В. В. Путин, — ...все говорят — роль образования растет, а качество снижается. Что делать? ...Допустим, что мы пока не знаем полного, окончательного ответа на этот вопрос. Но хорошо уже то, что мы понимаем, что этот вызов есть, и нам на него отвечать. При этом всем нам нужно подняться и над личным, и над корпоративными интересами в интересах того дела, которому все мы посвятили свою жизнь» [8, с. 5]. Есть надежда, что эти слова будут услышаны и в министерских кабинетах.

В исправлении сложившейся ситуации определенную роль могли бы сыграть субъекты Российской Федерации. Прежде всего, регионам необходимо более настойчиво инициировать разрешение такой явно важной проблемы, как радикальное повышение заработной платы работникам сферы образования.

Что касается возможностей региональных орга-

нов власти влиять на формирование у учащихся общеобразовательной школы научного мировоззрения, достаточно глубокого представления о мировом историческом процессе в его целостности, о месте и роли в нем отечественной истории, ее закономерностях и особенностях, важнейших рубежах и итогах, то они достаточно ограничены. Тем не менее необходимо использовать хотя бы те из них, которые сохранились и могут дать определенный эффект на местном уровне. Важнейшим и вполне реальным направлением в этой работе могла бы стать реализация чрезвычайно актуальной задачи, сформулированной В. А. Садовничим: «Нам необходимо создать хорошо продуманную, компьютеризированную систему контроля качества. Причем эта система должна охватывать не только университеты, но и школы.

И тогда не будет ошибок при приеме в вузы. Ведь все успехи школьника, студента будут учитываться систематически на протяжении всей учебы. Будет понятно, у кого есть способности, а кто не хочет или не может учиться и рассчитывает только на кошелек родителей» [1, с. 8].

Существенную роль в усилении внимания к изучению истории может сыграть всемерное поощрение школ и учителей, активно внедряющих факультативные курсы и проводящих кружковую работу по мировоззренческим дисциплинам — истории и литературе. Эта работа может быть дополнена введением во всех школах контролируемого курса художественной литературы «Отечественный исторический роман». Вполне возможно использовать с этой же целью художественные и научно-популярные фильмы на исторические темы. Наряду с возможностями самих школ к проведению этой работы можно привлечь местное телевидение. Кроме демонстрации кинофильмов оно могло бы проводить циклы образовательных передач различного типа.

Свою лепту в решение назревших проблем изучения гуманитарных дисциплин в школе могут внести и высшие учебные заведения, хотя и их возможности весьма ограничены. Например, участие в создании системы контроля за качеством знаний школьников могло бы выражаться не только в использовании технических возможностей вузов, но и в работе по гармонизации школьного и вузовского курсов истории России. Целесообразно еще раз вернуться к проблеме их оптимизации, ликвидировать возможную разобщенность, разногласия в их содержании, ориентируясь не на снижение уровня вузовского курса, а подтягивая учащихся до способности комфортно чувствовать себя на первом курсе. Проблема эта существовала всегда, тем более сложно ее решение с учетом нынешних реалий, но и резуль-

таты могут стать важным фактором, консолидирующим общие усилия по повышению качества подготовки абитуриентов.

Известно, что современная историческая наука является ареной острого идейного противостояния. В таких условиях вузам и школе следует сместить акцент в сторону знания источников и воспитания умения самостоятельно анализировать их. Организация совместной работы школы и вузов по изданию сборников документов могла бы, по нашему мнению, дать значительный эффект. Для формирования общих подходов к наиболее сложным темам — периодизация отечественной истории, логика и диалектика советского общества, новейшая историография наиболее актуальных проблем и т.д. — полезно возродить практику «круглых столов», хорошо зарекомендовавшую себя в 80—90-х гг. Их материалы можно было бы доводить до сведения учителей через местные СМИ или в электронной версии.

Вполне понятно, что и упомянутые, и другие возможные шаги на региональном уровне будут лишь паллиативом. Радикальное улучшение ситуации возможно лишь при изменении государственной политики в области, образования и культуры. Однако было бы неверным на этом основании отказываться от усилий, направленных на повышение качества знаний выпускников общеобразовательной школы и дающих бы скромный эффект.

«...Общим принципом развития образования, — подчеркнул Президент Российской Федерации В. В. Путин в выступлении на VIII Съезде Российского союза ректоров, — должно оставаться повышение самостоятельности учебных заведений, самостоятельности, которая дает простор и педагогическим, и управленческим инициативам» [8, с. 4].

Литература

1. Садовничий В. А. Высшее образование России. Доступность. Качество. Конкурентоспособность / В. А. Садовничий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Проблемы высшего образования». — 2006. — № 1. — С. 6—11.
2. Шли к медали — пришли к ЕГЭ // Эфир. — 2006. — 19—25 сент.
3. Алексеева Г. Д. Историческая наука в России. Идеология. Политика (60—80-е годы XX века) / Г. Д. Алексеева. — М., 2003.
4. Между фактом и домыслом // Литературная газета. — 2006. — 21—27 июня.
5. Сабилло И. Кто спасет красоту / И. Сабилло // Литературная газета. — 2006. — 24—30 мая.
6. Но ты, художник, свято веруй // Литературная газета. — 2004. — 15—21 декабря.
7. Шорохов А. История минус / А. Шорохов // Литературная газета. — 2006. — 21—27 июня.
8. Путин В. В. Выступление на VIII Съезде Российского союза ректоров / В. В. Путин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Проблемы высшего образования». — 2006. — № 1. — С. 3—5.